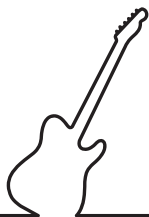

Хью.

И Миш, которая хотела прочесть что-то не про зомби

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я проснулась на полу в ванной. Все болит. Во рту как будто кошки нагадили — вкус просто отвратный. Что, черт возьми, было прошлой ночью? Последнее, что помню: обратный отсчет до полуночи, и я ужасно волнуюсь, мне же наконец-то исполнится двадцать один — теперь все законно. Танцую с Лорен, разговариваю с каким-то парнем. А потом БАЦ!

Текила.

Целый ряд рюмок и лимон с солью. Все, что я слышала о Вегасе, правда. Здесь случаются плохие вещи, просто ужасные... Захотелось свернуться в клубок и умереть. Боже мой, о чем я только думала, когда так много пила? Я тихонько застонала, и даже от этого у меня загудело в голове. Такого не было в моем плане.

— Ты как? — спросил мужской голос, глубокий и приятный. Очень приятный. Дрожь пробежала по коже, несмотря на то что все болело. Мое бедное измученное тело откликнулось в самых неожиданных местах.

— Снова тошнит? — спросил он.

О нет.

Я открыла глаза и села, откинув свои светлые, далеко не первой свежести, волосы. Его расплывчатое лицо приблизилось. Я прикрыла рот рукой, побоявшись, что из него отвратительно несет.

— Привет, — пробормотала я.

Я медленно сфокусировала на нем взгляд. Он красив и хорошо сложен, и... как будто я его знаю. Невозможно. Никогда не встречала никого, на него похожего.

На вид ему лет двадцать пять, может быть ближе к тридцати — мужчина, не мальчик. Длинные темные волосы, ниспадающие на плечи, и короткие баки. Темно-синие глаза. Как будто ненастоящие. Честно говоря, эти глаза — это уже слишком. Я бы и не видя их запросто упала в обморок. От усталости белки покраснели, но это не делало их менее прекрасными. Одна рука и половина обнаженной груди — в татуировках. Сбоку на шее — черная птица, кончик крыла которой тянется за ухо. На мне все еще белое платье, которое уговорила надеть Лорен, правда, уже изрядно замызганное. Мой наряд был очень смелый — я едва смогла засунуть в него свои пышные формы. Но если бы мы с этим красавчиком прямо сейчас участвовали в конкурсе «Кто сильнее оголится», то он бы уж мне дал фору. На нем только джинсы, потертые черные ботинки, пара маленьких серебряных сережек, да белый бинт болтается на предплечье.

Эти джинсы... Он так правильно их носил. Призывно низкая посадка на бедрах, облегают там, где надо. Даже мое чудовищное похмелье не мешало мне наслаждаться этим чудесным видом.

— Аспирин? — спросил он.

А я продолжала пялиться на него. Быстро перевела взгляд на его лицо, он хитро и понимающе улыбнулся. Чудесно.

— Да. Пожалуйста.

Он поднял с пола потрепанную черную кожаную куртку, которую я, очевидно, использовала в качестве

подушки. Слава богу, меня на нее не вырвало. Очевидно, этот красивый полуобнаженный мужчина видел меня во всей красе, когда меня тут, не знаю, сколько раз, выворачивало. Хочется сквозь землю провалиться от стыда.

Он стал выкладывать содержимое своих карманов на холодную белую плитку. Кредитная карточка, медиаторы, телефон и несколько презервативов. Презервативы заставили меня задуматься, но я быстро переключила свое внимание на то, что появилось дальше. На пол вывалились множество бумажных обрывков. На всех написаны имена и номера телефонов. Да этот парень просто мистер Популярность! Ну и понятно, почему. Но что, блин, он делает здесь со мной?

Наконец он достал маленькую баночку с обезболивающим. О, сладкое облегчение. Люблю его, кем бы он ни был и что бы он тут ни видел.

— Нужно запить, — он стал наливать воду в стакан из крана на раковине, что была позади него.

Ванная крошечная. Мы вдвоем едва здесь помещались. Учитывая наше с Лорен финансовое положение, этот отель — лучшее, что мы смогли себе позволить. Она была одержима идеей отпраздновать мой день рождения с шиком. Но у меня была несколько иная цель. И, несмотря на то что сейчас со мной рядом этот сексима-чо, я почти уверена, что в ее достижении я потерпела фиаско. Потому что те места в моем организме, которые должны были болеть, чувствовали себя прекрасно. Говорят, после первых двух раз должно быть больно. Это стопроцентная правда относительно первого раза. Но сейчас единственное место в моем теле, которое не доставляет мне никаких страданий — между ног.

Все же я взглянула на платье. Уголок блестящей упаковки, засунутой сбоку в лифчик, все еще виднелся.

Я кое-что туда положила, чтобы меня не застали врасплох. Презерватив цел и невредим. Какое разочарование... А может, и нет! В конце концов, если бы я снова набралась смелости и, так сказать, «оседлала жеребца», а потом забыла об этом — вот что было бы реально ужасно.

Парень протянул мне стакан воды и положил на мою ладонь две таблетки. Затем он присел на корточки и стал смотреть на меня. Он как-то напряжен, не могу понять, что такое.

— Спасибо, — поблагодарила я и проглотила аспирин. Мой живот громко заурчал. Да уж, очень женственно...

— Точно все в порядке? — спросил он. На его великолепных губах появилась улыбка, будто это была шутка, которую можем понять только мы.

Эта шутка — я.

Все, что я могла делать, — так это пялиться на него. Учитывая мое состояние, он был просто невыносимо прекрасен. Волосы, лицо, тело, тату — все это. Чтобы описать его, нужно придумать новое слово, супер-мега-превосходное.

После долгой паузы до меня вдруг дошло, что он ждет ответа на вопрос. Я кивнула, потому что не хочу, чтобы он почувствовал мое дыхание, и мрачно ему улыбнулась. Все, что я могла сделать.

— Ладно. Вот и хорошо, — сказал он.

Безусловно, он такой заботливый. Не знаю, что я такого сделала, чтобы заслужить такую доброту. Если я пообещала бедному парню секс, а вместо этого провела всю ночь в обнимку с унитазом, то он имеет полное право быть недовольным. Возможно, он надеялся, что утром мне полегчает и я выполню обещание. Пожалуй,

это единственное правдоподобное объяснение, почему он со мной возится.

В обычной жизни я бы посчитала, что он мне не по зубам, да и к тому же (моей гордости ради) он совершенно не в моем вкусе. Я люблю приличных мужчин. Приличные мужчины — классные. Образ плохих парней сильно переоценен. Да и за эти годы я повидала много девушек, которые вешались на моего брата. Он брал то, что они предлагали, если, конечно, ему самому хотелось, и, не оглядываясь, двигался дальше. Плохие парни — не тот материал, из которого можно построить серьезные отношения. И прошлой ночью я не пыталась найти кого-то, с кем можно провести всю оставшуюся жизнь, просто хотелось заняться сексом и чтобы на этот раз было приятно. Хотя бы чтобы рядом не было Томми Бирнса, который злится на меня за то, что я немного испачкала кровью заднее сиденье машины его родителей. Боже, какое ужасное воспоминание! На следующий день этот придурок бросил меня ради девушки из легкоатлетической команды, которая весит в два раза меньше меня. Это уже само по себе стало травмой, так он пошел дальше: стал распространять мерзкие слухи обо мне. Но я стойко выдержала все эти испытания, даже не обижаюсь.

Что же случилось прошлой ночью? Голова как воздушный шарик, внутри какая-то мешанина, туманные обрывки воспоминаний...

— Давай-ка тебя покормим, — сказал он. — Может тост тебе заказать или еще что?

— Нет...

От одной мысли о еде становилось плохо. Даже кофе не хотелось, хотя его мне хочется всегда. Меня так и подмывало проверить у себя пульс, на всякий

случай. Вместо этого я стала убирать свои грязные волосы с глаз.

— Не хочу... ой! — Что-то зацепилось в волосах, я сильно дернула. — Вот дерьмо.

— Погоди. — Он аккуратно помог высвободить пряди волос от чего-то, что так сильно зацепилось. — Вот так.

— Спасибо.

На моей левой руке что-то блеснуло. Кольцо, но не просто кольцо. Удивительное кольцо, потрясающее.

— Обалдеть... — прошептала я.

Оно не может быть настоящим. Такое огромное, что это просто граничит с непристойностью. Настоящий камень такого размера стоил бы целое состояние. Я ошеломленно стала разглядывать его, поворачивая руку, ловя свет. На толстом кольце сверкал и сиял камень, несомненно, как настоящий.

Как будто настоящий.

— А, это... Насчет этого... — Он нахмурил темные брови, слегка смутившись при виде этого «диско-шара» на моем пальце. — Если ты все еще хочешь поменять его на поменьше, я не против. Оно и вправду довольно большое. Знаю, что ты про это думаешь.

Не могу избавиться от мысли, что я все же с ним знакома. Где-то видела, но это не связано с прошлой ночью или этим утром и не с этим нелепо красивым кольцом на моем пальце.

— Это ты мне его купил? — спросила я.

Он кивнул.

— Вчера вечером в «Картье».

— «Картье»? — Мой голос перешел в шепот. — Хм... Некоторое время он просто смотрел на меня.

— Не помнишь?

Мне не хотелось отвечать на этот вопрос.

— А какое оно вообще? Два, три карата?

— Пять.

— Пять? Ух ты...

— А что ты помнишь? — спросил он уже настойчивей.

— Ну... как-то туманно всё.

— Не помнишь... — Его красивое лицо медленно становилось все мрачнее и мрачнее. — Ты что, издеваешься надо мной? Серьезно не припоминаешь?

Что сказать? Открыла рот, бесполезно. Я много чего не припоминаю. Но вот в чем точно уверена, что в «Картье» не продается бижутерия. У меня закружилась голова. Мне стало так плохо, что все внутри сжалось, и желчь обожгла горло. Даже хуже, чем раньше.

Меня не вырвет перед этим парнем.

Только не снова.

Он глубоко вздохнул, раздув ноздри.

— Я и не думал, что ты так много выпила. То есть я знал, что, может, мы слегка переборщили... но... черт. Серьезно? Не помнишь, как мы катались на гондолах по Венецианскому каналу?

— Мы катались на гондолах?

— Черт. А когда ты купила мне бургер? Это ты помнишь?

— Прости...

— Подожди-ка, — он смотрел на меня, прищурившись. — Ты просто сейчас шутишь, так?

— Боюсь, что нет...

Он отшатнулся от меня.

— Так. Давай я спрошу прямо: ты вообще ничего не помнишь?

— Нет, — сказала я и сглотнула. — Что мы делали прошлой ночью?

— Мы, на хрен, поженились, — прорычал он.

На этот раз я не успела добежать до унитаза.

Когда я чистила зубы, то решила, что разведусь, а пока мыла голову — репетировала, как я ему это скажу. Но нельзя торопить события. Нельзя делать как вчера, когда я, очевидно, поспешила выйти замуж. Если я опять буду торопиться, ничего хорошего из этого не выйдет. Возможно, это разумные мысли, а возможно, я просто трусиха, которая принимает самый долгий душ на свете. Скорее всего, последнее.

Дерьмо, дерьмо, какое же дерьмо. Просто капец. Даже не могу думать об этом. Замужем... Я... Легкие отказываются работать. Меня охватила паника.

Для него не станет неожиданностью, что я хочу бы-стренько закончить эту ужасную катастрофу. Меня же стошнило на пол — это вполне ясный намек. Вспомнив об этом, я закрыла лицо руками и застонала. Его полный отвращения взгляд теперь будет сниться мне всю жизнь.

Родители убьют меня, если узнают. У меня были планы, расставлены приоритеты. Я училась на архитектора, чтобы быть как отец. Брак сейчас (не важно даже с кем) не входил в мои планы. Может быть, лет через десять-пятнадцать. Но выйти замуж в двадцать один? Черт возьми, нет. Много лет я даже на второе свидание не ходила, а теперь у меня на пальце кольцо. Бред какой-то. Я обречена. Не могу же я просто скрыть эту сумасшедшую свадебную авантюру?

Или могу?

Только если родители ничего не узнают. Никогда. За эти годы у меня вошло в привычку не рассказывать им

о том, что может показаться неприятным, ненужным или просто глупым. Замужество подпадало во все три категории.

На самом деле, может быть, вообще никому не нужно знать. Если я не скажу, как они узнают? Не узнают. Решение оказалось поразительным в своей простоте!

— Да!

От радости я взвизгнула и ударила кулаком по воздуху, зацепив насадку для душа. Вода брызнула во все стороны, попала мне в глаза, так что я ничего не могла видеть. Ну и ладно, зато я все придумала!

Никому не скажу. Унесу эту тайну с собой в могилу. Никто никогда не узнает об этой пьяной идиотской выходке.

Я с облегчением улыбнулась, паническая атака отступила, я снова могла свободно дышать. О, слава богу. Все будет хорошо. У меня есть новый план, чтобы вернуться к старому. Гениально! Вот бы набраться храбрости, пойти, посмотреть ему прямо в глаза и все сказать. Двадцатиднолетние девушки с грандиозными жизненными планами не выходят замуж за незнакомцев в Вегасе, даже за очень красивых незнакомцев. Все получится. Он поймет. Скорее всего, он прямо сейчас сидит там и сам думает, как бы быстрее избавиться от меня.

На моей руке все еще мерцал бриллиант. Не могу заставить себя его снять. Как будто все рождественские украшения света на моем пальце... такое большое, яркое и сверкающее. Хотя, если подумать, мой временный муж совсем не выглядит как богач. Куртка и джинсы сильно поношены. Человек-загадка.

Подождите-ка... Что, если он занимается чем-то незаконным? Может быть, я вышла замуж за преступника.